

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5158925>

УДК 82.01/.09+82.31

Мельникова Л.А.

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский государственный национальный исследовательский университет», Россия, 412300, Саратовская обл., г. Балашова, ул. Карла Маркса, 29. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

Гротеск в повестях-сказках Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» и В.Ф. Одоевского «Реторта» (к проблеме русско-немецкого литературного диалога)

Аннотация. В статье в сопоставительном аспекте анализируются функции гротеска в художественных мирах повестей-сказок Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» и В.Ф. Одоевского «Реторта». Посредством сравнительного анализа двух перекликающихся эпизодов названных произведений выявляется, что гротеск является важным элементом сюжетопостроения в обоих текстах и позволяет и русскому, и немецкому авторам выразить свое критическое отношение к системе ценностей современных им социумов. Использование данного приема позволяет заострить внимание на проблеме иллюзорного восприятия действительности, соотношения реального и мнимого начал в жизни человека.

Ключевые слова: гротеск, В.Ф. Одоевский, Э.Т.А. Гофман, повесть-сказка, социально-критический пафос, «Реторта», «Золотой горшок».

Melnikova L.A.

Melnikova Lyubov Alexandrovna, PhD, Balashov Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia, 412300, Saratov region, Balashov, K.Marxa str., 29. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

Grotesque in fairy-tale novels by E.T.A. Hoffmann ‘The Golden Pot’ and V. F. Odoevsky ‘The Retort’ (on the problem of Russian-German literary dialogue)

Abstract. The paper analyzes the functions of grotesque in the artistic worlds of the fairy-tale novels by E.T.A. Hoffman ‘The Golden Pot’ and V.F. Odoevsky ‘The Retort’ in a comparative aspect. Through a comparative analysis of two overlapping episodes of these works it is revealed that grotesque is an important element of plot construction in both texts and it allows both Russian and German authors to express their critical attitude to the value systems of the contemporary societies. The use of this technique allows us to focus on the problem of illusory perception of reality, the correlation between real and imaginary principles in human life.

Key words: grotesque, V.F. Odoevsky, E.T.A. Hoffmann, fairy-tale novel, socially critical pathos, ‘The Retort’, ‘The Golden Pot’.

Многие русские писатели первой трети XIX века вступали в литературный диалог с одним из самых известных немецких романтиков этого периода Э.Т.А. Гофманом: Н.А. Полевой, Н.В. Гоголь, А. Погорельский. Принадлежит к их числу и В.Ф. Одоевский

Исследователи творчества данного автора неоднократно отмечали факт наличия в его произведениях признаков творческого влияния Э.Т.А. Гофмана [2, 4, 6].

Между этими двумя авторами наблюдаются литературные переклички на уровне сюжетов («Сильфида» и «Стихийный дух»), отдельных образов («Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и «Песочный человек»), мотивов («Игоша» и «Неизвестное дитя») и т.д.

В данной статье наше исследовательское внимание будет сосредоточено на особенностях использования гротеска в повестях-сказках В.Ф. Одоевского «Реторта» и Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» с целью выявления параллелей между творческими принципами двух авторов.

Традиционно гротеск определяют как «предельное преувеличение, придающее образу фантастический характер. Гротеск нарушает границы правдоподобия, придает изображению условность и, что особенно важно, выводит образ за пределы вероятного, деформируя его» [8, с. 60]. Одной из специфических черт гротеска является то, что в нем остро ощущается взаимопереход комического и трагического, обыденного и фантастического [9, с. 240].

Гротеск становится основой миропонимания и одним из ведущих художественных приемов писателей-романтиков. Это было связано с формированием в эпоху романтизма новой модели мира посредством ее противопоставления уже существующей. Одним из элементов нового, чуждого предыдущему взгляду на мир, стал гротеск [1, с. 10].

Гротесковыми оттенками в анализируемых в настоящей статье произведениях оказываются наделены образы стеклянных

сосудов и черты поведения оказавшихся в них запертыми героев.

В обоих рассматриваемых текстах одной из центральных является проблема соотношения реального и ирреального начал. Филистерская ограниченность, отсутствие творческой фантазии становятся предметом серьезной критики В.Ф. Одоевского. Сопоставляя прошлое поколение с современным ему повествователь в повести-сказке «Реторта» приходит к неутешительным выводам: «А кажется мы смысленнее наших предков: мы обрезали крылья у воображения <...> мы назначили предел, за который не должен переходить ум человеческий <...> Не оттого ли, что предки наши давали больше воли своему воображению, не оттого ли и мысли их были шире наших и, обхватывая большее пространство в пустыне бесконечного, открывали то, чего нам вовек не открыть в нашем мышном горизонте» [7].

Повествователь в «Реторте» позиционирует себя как человека, занимающегося различными науками: астрологическими, хиромантическими, парфеноматическими, онеиромантическими, кабалистическими, магическими. Данное упоминание выступает в качестве указания на то, что перед нами герой, стремящийся быть исключительным, его претензии на ученость подчеркивают это.

Нарратор, находящийся внутри мира рассказываемой им истории, противопоставляет себя окружающему его обществу: ограниченность и погруженность социума в исключительно светские заботы контрастирует с широким кругозором рассказчика, демонстрируемого им во время бала. Указание на то, что на балу были все заняты подчинено цели показать суетность подобно светского времяпровождения. Эпизод беседы повествователя с одним из гостей бала окрашен в повести в иронические тона: «К чрезвычайному моему удивлению и радости, - от тесноты или так, по случаю, - мне удалось прижать к углу какого-то господина, который только что проиграл 12 робертов сряду; и я в утешение принялся рассказывать ему: о походе

Наполеона в 1812 году, об убиении Дмитрия Царевича, о монументе Минину и Пожарскому, и говорил так красноречиво, что у моего слушателя от удовольствия сделались судороги и глаза его невольно стали поворачиваться со стороны на сторону» [7]. Интеллектуальная беседа в данном случае выглядит пыткой для испытывающего потрясение от проигрыша денег собеседника. Испытываемое при осознании этого повествователем внутреннее удовлетворение указывает на присутствие у последнего такого качества, как снобизм.

Оказавшись на балу, сочинитель неожиданно узнает, что какой-то проказник посадил «весь дом, мебель, шандалы, карточные столы и всю почтенную публику и меня с нею вместе в стеклянную реторту с выгнутым носом!» [7]. Образ реторты символизирует в данном произведении, с одной стороны, замкнутость, отстраненность почтенной публики от остального мира, с другой – указывает на узость интересов, ограничивающихся весьма незначительным кругом занятий и развлечений.

Стремясь выбраться из реторты, повествователь в то же время делится с читателями своим мнением относительно того, насколько реализуема возможность изменить подобное положение дел: «Дело-то в том, кажется, что люди так же принимают за жизнь, как я за средство выбраться из реторты: ищем как бы полегче, а не тут-то было!» [7].

В своих попытках выбраться из реторты герой оказывается помещенным в Латинский словарь. Описание погружения героя в источник знаний в повести-сказке содержит в себе элемент комического преувеличения: «<...> вообразите себе: в словаре холодно, темно, пахнет клеем, плесенью, чернилами, юфтью, нитками режет лицо, бока ломает о типографские буквы: признаюсь, что я призадумался. Долго не знал, что мне делать и что со мною будет <...>: еще никогда на сем свете мне так тесно не приходилось» [7]. Данный эпизод ярко иллюстрирует тот факт, что посред-

ством гротеска создается «мир не только вторичный по отношению к реальности, но и построенный по принципу «от противного», или, точнее, вышедший из колеи» [5, с. 11] Возникает парадоксальная ситуация: ощущение физической тесноты возникает у героя в пространстве, погружение в которое должно способствовать развитию духовной свободы. Имплицитно автор поднимает в данном случае проблему умелого использования человеком имеющихся у него источников информации и получаемых из них знаний.

Посредством описания помещенных в словаре персонажей в «Реторте» намечается оппозиция «отстраненное знание» – «непосредственная жизнь». Заключенные герои в словаре представляют собой искаателей духовной пищи – среди них Игоша и другие любезные молодые люди, многие из которых «от долгого пребывания в словаре так облепились словами, что начали превращаться в сказки» [7]. Используя данную художественную деталь, В.Ф. Одоевский обличает чрезмерную книжность, также являющую собой не что иное, как оторванность от жизни. Русский писатель, помещая своего персонажа в два диаметрально противоположных пространства, иронизирует таким образом над двумя крайностями человеческого поведения. В результате резких пространственных перемещений с повествователем происходит метаморфоза – он тоже начинает превращаться в сказку: «Глаза мои обратились в эпитаф, из головы понаделалось несколько глав, туловище сделалось текстом, а ногти и волосы заступили место ошибок против языка и опечаток, необходимой принадлежности ко всякой книге» [7].

Главный вывод, к которому подводит В.Ф. Одоевский своего читателя, заключается в стремлении показать на примере судьбы своего героя, как следование крайностям приводит к утрате человеком своего истинного «я».

В повести-сказке Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» центральный персонаж

Ансельм оказывается посаженным в закупоренную хрустальную склянку на большом столе в библиотеке архивариуса Линдгорста. Повествователь при описании данного эпизода вступает в живой диалог с читателем: «<...> если же ты и во сне не видел ничего подобного, то пусть твое живое воображение заключит тебя ради меня и Ансельма, на несколько мгновений в стекло» [3, с. 71].

Стекло в данном случае можно рассматривать как символическое обозначение комплекса запретов и условностей, окружающих человека, созданных как им самим, так и социумом. Само по себе состояние замкнутости в стеклянном пространстве не лишено некоторой двойственности, на что и указывает повествователь: «все предметы кругом кажутся тебе освещенными и окруженными лучистыми радужными красками, все дрожит, колеблется и грохочет в слиянии, – ты неподвижно плаваешь как бы в замерзшем эфире, который сдавливает тебя так, что напрасно дух повелевает мертвому телу. Все более и более сдавливает непомерная тяжесть твою грудь <...>» [3, с. 72]. Приведенное выше описание ярко демонстрирует то, что Ансельм оказывается в состоянии разобщенности своего духовного и физического начал.

Попытки персонажей выйти за установленные для них внешней средой рамки оказываются наказуемы и приводят к тому, что оба героя оказываются пленниками собственных грез.

Поиск границы реального и иллюзорного в сознании человека – таков главный предмет интереса двух авторов в рассматриваемых текстах. Поставленную перед собой художественную задачу, заключающуюся в изображении человека, балансирующего на границе реального и воображаемого миров, оба писателя решают посредством использования гротеска.

Для Ансельма, обладающего поэтической натурой, ограниченность человека бытовыми, обывательскими интересами

равнозначна заключению в стеклянную колбу. Именно в таком «искусственном» образе жизни он укоряет студентов, встретившихся ему на Эльбском мосту: «Они не знают, что такое свобода и жизнь в вере и любви, поэтому они и не замечают тяжести темницы, в которую заключил их Саламандр за их глупость и пошлость» [3, с.73].

В данном высказывании намечена программа идеалов Ансельма, среди которых центральное место занимают любовь и вера, для персонажа же сказки В.Ф. Одоевского главными ценностями являются просвещенность и интеллектуальное развитие, стремление к познанию и освоению различных наук.

В обоих произведениях описание пребывания в замкнутом стеклянном пространстве связано с мотивом вины и наказания ирреальными силами героев за неправильное поведение. Освобождение от оков даруется только человеку, сохранившему подобно Ансельму, твердость духа. При этом в повести Э.Т.А. Гофмана большую роль играет мотив любви, которая представляет собой силу, помогающую преодолеть и победить опасный морок и злые чары.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в «Реторте» и «Золотом горшке» гротеск является одним из ключевых элементов сюжетопостроения. И Гофманом, и Одоевским он используется для усиления контраста между мнимым и настоящим положением человека в окружающей его среде, а также критики системы ценностей современных авторам социумов. Духовная слепота филистеров, не замечающих ограниченности своего бытия, вызывает тревогу у обоих художников. Установка на карикатурно заостренное посредством гротеска изображение стремления большинства филистеров отграничить себя барьером от настоящей жизни комплексом мнимых идеалов служит еще одним подтверждением близости поэтик Э.Т.А. Гофмана и В.Ф. Одоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева М.А. Гротеск как отражение коренных перемен в общественном сознании эпохи романтизма в Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 8 (824). С. 9–21.
2. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/botnikova-nemeckij-romantizm/index.htm> (дата обращения: 12.07.2021)
3. Гофман Э.Т.А. Золотой горшок // Житейские воззрения кота Мурра: сказки, роман. М.: Эксмо, 2012. С. 5–88.
4. Литвякова Н.В. Рецепция сказки Э.Т.А. Гофмана «Nussknacker und Mausekonig» в России XIX в // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 15–19.
5. Манн Ю.В. Гротеск в литературе // Литература в школе. 2017. № 6. С. 10–15.
6. Мельникова Л.А. «Неизвестное дитя» Э.Т.А. Гофмана и «Игоша» В.Ф. Одоевского (к вопросу о русско-немецких литературных взаимосвязях) // Мировая словесность для детей и о детях: материалы XXIV Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 89–92.
7. Одоевский В.Ф. Реторта // Пестрые сказки с красным словцом // Электрон. дан. Режим доступа URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0280.shtml (дата обращения: 10.07.2021)
8. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
9. Шестаков В.П. Эстетические категории: опыт систематического и исторического исследования. М.: Искусство, 1983. 358 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Avdeeva M.A. Grotesk kak otrazhenie korennyh peremen v obshhestvennom soznanii jepohi romantizma v Evrope // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 8 (824). S. 9–21.
2. Botnikova A. B. Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/botnikova-nemeckij-romantizm/index.htm> (data obrashhenija: 12.07.2021)
3. Gofman Je.T.A. Zolotoj gorshok // Zhitejskie vozzrenija kota Murra: skazki, roman. M.:Jeksmo,2012.S. 5–88
4. Litvjakova N.V. Receptija skazki Je.T.A. Gofmana «Nussknacker und Mausekonig» v Rossii XIX v // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 374. S. 15–19.
5. Mann Ju.V. Grotesk v literature // Literatura v shkole. 2017. № 6. S. 10–15.
6. Mel'nikova L.A. «Neizvestnoe ditja» Je.T.A. Gofmana i «Igosha» V.F. Odoevskogo (k voprosu o russko-nemeckih literaturnyh vzaimosvjazjah) // Mirovaja slovesnost' dlja detej i o detjah: materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. M., 2019. S. 89–92.
7. Odoevskij V.F. Retorta // Pestrye skazki s krasnym slovcem // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0280.shtml (data obrashhenija: 10.07.2021)
8. Slovar' literaturovedcheskih terminov / red.-sost. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. M.:Prosveshhenie,1974.509 s
9. Shestakov V.P. Jesteticheskie kategorii: opyt sistematicheskogo i istoricheskogo issledovanija. M.: Iskusstvo, 1983. 358 s.

Поступила в редакцию 19.07.2021.
Принята к публикации 21.07.2021.

Для цитирования:

Мельникова Л.А. Гротеск в повестях-сказках Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» и В.Ф. Одоевского «Реторта» (к проблеме русско-немецкого литературного диалога) // Гуманитарный научный вестник. 2021. №7. С. 127-131. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/07/Melnikova.pdf>